

Глава 13. Внезапное прозрение

— Кха-кха! Кха-кха-кха! — У Шэнь поперхнулся водой, заходясь в оглушительном кашле.

«Кто это? Разве Ду Юньсэ мог такое сказать? Как этот фальшивый даос вдруг прозрел!»

Сам Ду Юньсэ, осознав, что поддался порыву и сказал лишнее, не смел взглянуть на реакцию Цю Хуаняня. И всё же он не раскаивался в содеянном.

Юноша на мгновение замер.

«Никак не ожидал услышать от жителя древних времён вариацию на тему "Теперь я буду тебя содержать"»

Когда подобные речи произносит холодный красавец, чей облик и нрав целиком в твоём вкусе, это невольно кружит голову. Позволив себе на пару секунд предаться приятному волнению, Хуанянь улыбнулся:

— Не бери на себя слишком много. Я ведь тоже буду заботиться о тебе.

Он лишь хотел сказать, что им стоит трудиться вместе, но в ушах постороннего эти слова прозвучали совсем иначе.

В глазах Ду Юньсэ отразилось смятение, а У Шэнь, зябко передёрнув плечами, поспешил подняться с места.

— Кха-кха... Завтра ведь Цинмин. Юньсэ, достань-ка те плоды да подношения, что я купил, а то ещё испортятся в сумке.

Мужчина открыл стоящий в стороне дорожный ларец и вынул свёртки, купленные приятелем на рынке в уезде Чжан. Хуанянь бросил на них взгляд и невольно охнул.

«Эта жертвенная бумага... Разве не я её расписывал?»

— Что-то не так? — Ду Юньсэ заметил его замешательство.

Юноша качнул головой:

— Нет, всё в порядке. Просто не ожидал увидеть здесь свои собственные рисунки.

Многие в деревне и так знали, что он последние дни пропадавал в лавке Ван Чэна, скрывать тут было нечего.

— Хозяин городской книжной лавки попросил меня помочь. Я нарисовал для него партию жертвенных листов к празднику, по восемь монет за штуку.

У Шэнь, услышав это, почувствовал, как во рту становится горько.

— Но он содрал с меня по пятнадцать монет!

Хуанянь понял, что этот молодой офицер совсем не смыслит в житейских делах.

— Для торговца забирать себе половину прибыли — обычное дело. То, что Ван Чэн предложил мне по восемь монет, уже неплохо.

Ду Юньсэ перевёл взгляд на окна, чьё необычное убранство заметил ещё на пороге.

— Рисунки на окнах тоже твои?

При ближайшем рассмотрении стало ясно, что стиль на оконной и жертвенной бумаге был почти один и тот же, различались лишь цвета.

— Да. Та бумага, что продают на рынке, дорогая и некрасивая, вот я и купил чистые листы, чтобы расписать их самому.

Хуанянь понимал, что гости наверняка видели работы настоящих мастеров, а потому скромно добавил:

— Это так, баловство. Я нигде не учился, просто мараю бумагу, чтобы глаз не резало.

— Выходит, я отдал деньги в свою же семью, — усмехнулся У Шэнь. — А я-то думал... Кто же знал, невестка, что ты у нас ещё и учёный муж.

Цю Хуанянь ответил ему с достоинством, не выказывая смущения:

— Моя мать была грамотной и с малых лет учила меня не только письму, но и основам живописи. Если считать это учёностью, то у нас в династии Юй учёные на каждом шагу.

Свои таланты он ловко списал на покойную мать прежнего владельца тела. В его памяти всплыл образ Мэй Сюээр — та и впрямь была грамотной, но из-за слабого здоровья и вечной тоски почти не занималась воспитанием ребёнка, умерев слишком рано.

Ду Юньсэ залюбовался чернильной сливой на окне, которую закатное солнце окрасило в золото.

— Ты рисуешь очень достойно. Не стоит так принижать себя.

«...»

Юноша прекрасно знал цену своим способностям, но когда тебя так искренне хвалят, на душе становится тепло.

Вскоре в калитку постучала маленькая Цуньлань, внучка Главы клана. Она пришла позвать гостей к столу, добавив, что Цзюцзю и Чуньшэна уже забрали к дедушке.

Цю Хуанянь прошёл в кладовую и вынес два объёмистых свёртка: один с гаолянъи, другой — с доуфу-гань, обильно приправленным солью и острым перцем. Он протянул их У Шэню.

— Это я готовил сам. Возьми, перекусишь в дороге.

Хоть У Шэнь и занимал чин седьмого ранга, в душе он оставался семнадцатилетним мальчишкой. Хозяин дома видел, что тот не привык к тяготам долгого пути, да и кошелек его явно не ломился от монет, а потому не поспешил на угощение.

Молодой человек спрятал свёртки в перемётную суму, с любопытством разглядывая торчащий край лакомства.

— А что это за еда такая? Никогда не видел ничего подобного.

— В этом свёртке доуфу-гань. Я режу свежий тофу на тонкие пластины, сушу их, а потом обваливаю в смеси соли и молотого жгучего перца.

Семья Мэн каждый день угощала юношу свежим тофу в благодарность за помощь. Иногда его было так много, что он боялся, как бы продукт не испортился, вот и придумал новый рецепт. Тонкие, хрустящие ломтики пришлись детям очень по вкусу.

Офицер тут же отправил кусочек в рот и восхищённо закивал:

— Вкусно!

С тех пор как в его семье случилась беда, он потерял вкус к жизни и с трудом заставлял себя есть грубую дорожную пищу. Кто бы мог подумать, что простая пластинка доуфу-гань пробудит в нём аппетит.

Хуанянь улыбнулся и указал на второй сверток:

— А это мои сладости, называются гаолянъи. Попробуй одну.

У Шэнь, не зная, сколь дороги и редки сладости в деревне, с энтузиазмом развернул конфету.

— И это замечательно! На вкус ничуть не хуже тех лакомств, что продают в столице.

Приняв похвалы, Хуанянь запер дом, и втроём они направились к Главе клана.

По пути У Шэнь, ведущий коня под уздцы, и Ду Юньсэ, которого не видели в деревне много лет, приковывали к себе взгляды всех встречных.

Едва они подошли к дому Ду Чжэньхэ, Хуанянь заметил Цзюцзю и Чуньшэна, которые нетерпеливо переминали с ноги на ногу у ворот. Увидев старшего брата, дети тут же бросились к нему. Хуанянь присел, погладил каждого по голове и ласково спросил:

— Что, ждали меня?

Цзюцзю смущённо опустила голову, а Чуньшэн, не по годам серьёзный, выпалил:

— Мы каждый день так братца Хуа ждём!

Юноша легонько щёлкнул его по носу и указал на стоявшего рядом Ду Юньсэ:

— А ну-ка посмотрите, кто это к нам приехал?

Детям ещё днём сказали, что их старший брат вернулся, но, глядя на этого статного незнакомца, они не решались сделать и шаг навстречу.

Ду Юньсэ замер. Видя испуг в глазах младших, он почувствовал, как сердце сжимается от боли. Он не знал, как подступить к ним.

Когда он уезжал, Цзюцзю была совсем крохой, а во время его короткого приезда на похороны отца Чуньшэн ещё даже не родился. Об этих детях он знал лишь по коротким строчкам в редких письмах. Хоть в их жилах и текла одна кровь, годы разлуки воздвигли между ними невидимую стену.

В этот момент мужчина почувствовал, как кто-то легонько потянул его за рукав. Мягкая ладонь коснулась его руки, и в пальцы что-то вложили.

Раскрыв ладонь, Юньсэ увидел две засахаренные сливы — мицзянь — в прозрачной глазури. Он обернулся к Хуаняню, и тот ободряюще подмигнул ему.

Юньсэ протянул сладости младшим. Дети переглянулись и осторожно приняли угощение.

— Старший брат, а что это? — Чуньшэн вертел мицзянь в руках.

— Это плоды, вымоченные в сахаре. Десерт, — пояснил Юньсэ.

— Они сладкие? — набравшись храбрости, спросила Цзюцзю.

Ду Юньсэ терпеливо ответил:

— И сладкие, и немного с кислинкой. У них очень нежный вкус.

Дети откусили по кусочку, и их глаза мгновенно засияли. Мужчина, помедлив, присел перед ними и неловко погладил сестру и брата по головам. Дети на мгновение напряглись, но не отстранились.

Хуанянь, видя, что первая преграда в семье разрушена, удовлетворённо кивнул. Не зря он сегодня в городе, поддавшись внезапному порыву, потратил немало денег на эти мицзянь.

У Шэнь, наблюдавший за всем этим, негромко хмыкнул:

— Невестка, ну ты и впрямь...

— А? — Хуанянь не расслышал.

— Да нет, ничего. Проголодался я, пойдёмте скорее ужинать.

Офицер снова зябко передёрнул плечами. «Где только этот Ду Юньсэ нашёл такую удачу? В глухой деревне — и такой необыкновенный муж!»

Глава клана велел домашним не скупиться на угощение. Мэн Фуюэ поручила второй невестке приготовить начинку из нежного лука и яиц для цзяоцзы, третью отправила за свежей рыбой, а сама забила самого жирного петуха.

Семья у Главы клана была большая, общими силами стол накрыли быстро: настоящий пир, не хуже, чем в канун Нового года. Мэн Фуюэ сунула один горячий цзяоцзы маленькой Цуньлань:

— Лань-эр, будь умницей. Мы уже поели, иди поиграй на улице. Твоему дедушке нужно поговорить о важных делах.

Девочка убежала с цзяоцзы в руках, а вторая невестка, прибрав у печи, тоже ушла к соседкам.

В просторной главной комнате зажгли масляную лампу и накрыли круглый стол. Главными гостями были Ду Юньсэ и У Шэнь. Глава клана оставил подле себя лишь старшего сына, Ду Баожэня. Цю Хуанянь же вместе с детьми устроился с краю.

Старейшина расспрашивал гостей о столичных порядках, Юньсэ отвечал вежливо, а У Шэнь время от времени вставлял свои замечания. Узнав, что гость — сын великого генерала У Диншаня, старик тяжело вздохнул:

— В годы моей юности татары то и дело разоряли наши границы. И лишь когда император сам повёл войска и разбил врага, мы вздохнули свободно. Поистине, у тигра не родится лисёнка!

У Шэню такие слова были слаще мёда. Довольный похвалой, он умял ещё с десятков цзяоцзы и стал куда словоохотливее. Юноша ел молча, низко склонив голову, но слушал очень внимательно.

Когда речь зашла о падении дома генерала У и о том, что великий наставник Вэнь Хойян томится под домашним арестом, старик подбодрил юношей, говоря, что всё ещё может измениться. Постепенно разговор перешёл к событиям в уезде.

— Юньсэ, едва услышав имя своего суженого, тут же выпросил у уездного судьи коня и помчался сюда. Я за него побоялся, вот и поехал следом, — сказал У Шэнь. — Знаю я его не первый год, а таким встревоженным видел впервые.

Глава клана нахмурился:

— Семья Цю... Задумать такое — это ж какими подонками надо быть. Не люди, а крысиное отродье.

Сам Цю Хуанянь впервые услышал о том, что его пытались похитить и продать. От этой мысли по спине пробежал холодок, он невольно замер над чашей. Внезапно кто-то положил ему в тарелку кусок рыбы, из которой были тщательно выбраны все кости.

Он поднял глаза на Ду Юньсэ. Тот негромко произнёс:

— Я заметил, что тебе это блюдо по вкусу.

Юноша благодарно улыбнулся ему. Глава клана, заметив это, кашлянул:

— Братец Хуа, я не про тебя. Ты с той семьёй давно порвал все узы, не трать свои слёзы на тех, кто того не стоит.

«Хорошо, что я был осторожен и велел Баожэню с женой приглядывать за братцем Хуа, а не то случилась бы беда!» — подумал старик.

<http://bllate.org/book/15363/1372827>